

В.А. Кожевников

**Философия чувства и веры в
её отношениях к литературе и
рационализму XVIII века и к
критической философии**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В.А. Кожевников
В11 **Философия чувства и веры в её отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии: Часть 1 / В.А. Кожевников – М.: Книга по Требованию, 2021. – 783 с.**

ISBN 978-5-458-56714-5

ISBN 978-5-458-56714-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отрицание диалектического способа познания; истина познается непосредственным восприятием въ субъективномъ ощущеніи. 61. Г. возвыщаетъ познавательное значеніе чувства за счетъ разсужденія. Убѣдительность чувства превосходитъ убѣдительность размысленія. 62. Это существенное положеніе философіи чувства Г. оставляетъ въ недоказанномъ и неразвитомъ видѣ. — Противорѣчія его теоріи познания. 62—63.

Источникъ знанія не есть чистое мышленіе, а опытъ, не ограничивающійся по Гемстергию данными однихъ пяти „внѣшнихъ“ чувствъ; къ этимъ послѣднимъ Г. присоединяетъ еще „внутреннее чувство“, поручая ему главную роль въ пріобрѣтеніи познаній. 63. — Догматическая гнѣбность въ абсолютной реальности данныхъ внѣшняго, чувственного опыта. 63—64. — Чувственный опытъ однако не даетъ знанія самой сущности вещей. Зависимость чувственного знанія отъ нашихъ органовъ и отъ знаковъ, выражающихъ впечатлѣнія. 65. — Несмотря на сближеніе этой части своего ученія съ сенсуализмомъ, Г. твердо стоитъ за независимость души отъ тѣла, за разнородность духовнаго и физическаго. — Неправый, аллегорическій способъ объясненія связи души съ тѣломъ. 65—67.

Подчиняясь до извѣстной степени влиянію сенсуализма въ объясненіи познания внѣшняго міра, Г. становится догматикомъ-спиритуалистомъ въ ученіи о познаніи высшихъ, духовныхъ истинъ. Догматически признаетъ онъ существованіе безтѣлесныхъ субстанцій и догматически же допускаетъ въ человѣкѣ способность достовернаго познания ихъ. 67—68. — Знаніе это основано на средствѣ души человѣческой съ Богомъ и на ея врожденномъ стремленіи къ Нему. — Союзъ души съ абсолютнымъ, вѣчнымъ, совершеннымъ (съ Богомъ) есть абсолютная истина и красота и высшее благо, счастье. — Для достиженія высшаго блага душа не нуждается въ помощи чего-либо физическаго; высшее знаніе (богопознаніе) не можетъ быть чувственнымъ знаніемъ; оно состоитъ въ непосредственномъ единеніи сущностей. 68.

Сочетаніе элементовъ разнородныхъ ученій въ теоріи познания Г.: сенсуализма, спиритуализма и мистицизма. — Научная слабость этого ученія. — Его культурно-историческій смыслъ: оно составляетъ переходъ къ ученію о гениальности или о такъ называемой „прекрасной душѣ“, — ученію, которое получаетъ свое эстетическое развитіе у Гаманна, Гердера и Гёте, а философское у Ф. Г. Якоби. 69—70.

Этика Гемстергию. 70 и сл. Значеніе чувства, какъ познавательнаго начала, раскрыто Г. въ недостаточной степени. Высшимъ назначеніемъ чувства онъ считаетъ его нравственную цѣль. — Преобладаніе этического элемента надъ научнымъ въ ученіи Г. „Нравственное начало“ составляетъ высшую ступень духовныхъ способностей. 70—71. — Неудовлетворительность его философскаго анализа у Гемст.; бездоказательная вѣра въ свойства и въ превосходство нравственнаго принципа; бесполезность научнаго изслѣдованія его; самоочевидность естественныхъ законовъ нравственности; совѣсть — „лучшій учебникъ этики“; личное чувство — единственный судья въ области нравственнаго. 71—72.

Попытки Г. дать своему этическому догматизму реалистическое оправданіе. Ученіе о „нравственномъ органѣ“. — Оно стоитъ въ связи съ поисками прочаго нравственнаго критерія моралистами второй половины XVIII вѣка. Г. стремится къ сочетанію воедино сдѣланнаго въ этомъ отношеніи Гёттисономъ, Ад. Смитомъ, Бётлеромъ и Гарглемъ. 73—76. — Неудовлетворительность и противорѣчія его ученія о нравственномъ органѣ. 75—77. Активный и пассивный элементы въ нравственномъ органѣ. Превосходство перваго и его способность къ самосовершенствованію. 78—79. — Въ развитіи этой способности заключается и долгъ, и счастье человѣка. — Оптимистическій взглядъ на природу и на человѣка. — Происхожденіе зла вслѣдствіе удаленія отъ естественнаго состоянія и замѣны его искусственною и фальшивою цивилизаціей. 79. Мечты о „золотомъ вѣкѣ“ („Алексисъ“). Успѣхъ этого произведенія; его ооозвѣстивъ потребности своего времени; оно заключаетъ въ себѣ взгляды Г. на культурно-историческій ходъ развитія человечества, на происхожденіе религіи, нравственности и общественнаго порядка. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ дана въ поэтической формѣ программа этики въ духѣ философіи чувства. 79—85.

Признавая свободное активное начало в отдельном человеке, способность к нравственному совершенствованию в совокупности человечества и независимость воли в ее отношениях к миру физическому и к людям, Г. однако сильно суживает пределы ее независимости ее субъективной мотивацией или детерминацией. Свобода выбора зависит не только от разумных мотивов, усматриваемых субъектом, но и от свойств его организации. 86—88. — Добавочное влияние общественной среды на единичную волю. 89. — Противоречия в учении Г. о свободѣ воли. — Нравственное совершенство оказывается у него не столько результатом самопроизвольного усилия, сколько слѣдствием счастливой организации. — Совпадение этого вывода с популярным в концѣ XVIII в. учением о „прекрасной душѣ“. 89—93. — Вытекающая отсюда фаталистическая тенденція во взглядах Г. на зло, на преступление, наказание и раскаяние. Сходство со спинозистами мистическаго направления (Левингофомъ, Дейергофомъ и Брилемъ). 93—96.

Двойственность этического учения Г. — причина противорѣчивыхъ отзывовъ о немъ современниковъ: Якоби видитъ в немъ индивидуалиста; Лессингъ — скрытаго спинозиста. 97.

Г. допускаетъ прогрессивное совершенствованіе души послѣ смерти тѣла. 98. — Вѣра в безсмертіе — истина, доказуемая не разсужденіемъ, а самочувствіемъ, ощущеніемъ душою своихъ свойствъ. 99.

Этика Г. пытается сочетать детерминизмъ съ индивидуализмомъ. — Сочувствіе индивидуалистической свободѣ нравственности намѣчено у Г. краткими, но энергичными чертами, в духѣ философіи чувства: „власть человеческой личности и ее право — одно и то же; желаніе — единственный мотивъ дѣйствій“. — Непослѣдовательность этого вывода изъ предшествующихъ учений Г. 100. — Его отвращеніе къ искусственной, вышней регуляціи нравственности закономъ и обычаямъ. Соответствие этой черты натуралистическимъ тенденціямъ Руссо, Лидро и ихъ послѣдователей и, в особенности, этикъ періода „бурныхъ стремленій“. 100—101. — Г. не сознаетъ опасностей крайняго субъективнаго нравственнаго произвола, защищаетъ его недостатки и оправдываетъ его коллизіи съ истиннымъ кодексомъ общепринятой морали. 102.

Религиозныя убѣжденія Гемстергия. 103 и сл. отождествленіе религіознаго начала съ нравственнымъ. — Глубокая религіозность Г.; отвращеніе къ материалистическому невѣрію. — Антично-языческой характеръ его вѣрованій. — Отъ деизма они отличаются тѣмъ, что основываются не на разсужденіи, а на чувствѣ; отъ христіанства — упрядненіемъ открытвенія и догматовъ грѣхопаденія и искупленія. — Г. дѣлаетъ попытку утвердить религіозное начало на почвѣ свѣтскаго мировоззрѣнія, но не в деистическомъ смыслѣ, а в духѣ философіи чувства. 103—104. — Остатки деистическаго рационализма у Г.; его „Учебникъ естественной религіи“. — Волею зрѣлая точка зрѣнія на религіи въ философскихъ сочиненіяхъ. — Признаніе неограниченной субъективности религіозныхъ убѣжденій: они основаны исключительно на личномъ ощущеніи. 105—106.

Уклоненіе отъ деистической аргументаціи въ доказательствѣ бытія Бога. Г. считаетъ необѣдительными доказательства этическое, космологическое и физико-теологическое. 106—107. — Первоначальное пристрастіе мыслителей XVIII вѣка къ двумъ послѣднимъ; постепенное сознаніе ихъ недостаточности; критика ихъ Юмомъ; непониманіе ихъ достоинствъ до временъ Якоби и Канта. 107—111. — Критика доказательствъ бытія Бога у Гемстергия. 111—118. — Г. въ этомъ отношеніи предупреждаетъ Канта и указываетъ на ограниченность богоузнаванія, почерпаемаго изъ разсмотрѣнія свойствъ природы. — Самопознаніе человека — единственный надежный источникъ богопознанія. 119—120. — Богопознаніе основывается не на разсужденіи, а на чувствѣ души и на ее стремленіи къ единенію съ своимъ первоисточникомъ. 120—121. — Ученіе Г. о богопознаніи представляетъ замѣтный прогрессъ сравнительно съ деизмомъ и рационализмомъ XVIII вѣка и заключаетъ въ себѣ зародыши ученія о религіи Канта, Якоби и Шлегельмахера. 122—123.

Дѣльныя мысли Г. объ историческомъ развитіи религіи; ихъ превосходство надъ скептической религіозной критикой XVIII в. 123—124. — Нерасположеніе Г. къ положи-

тельной религии; непонимание психологических основ Откровения. — Неопределенность его понятия о Боге. — Г. не был спинозистом, но признавал только безличного Бога, безучастного къ судьбѣ человеческихъ личностей. 124—126. — Безцвѣтливость и безсодержательность естественной религии Г. 126—127. — Оужденіе имъ положительныхъ религій; равнодушное и отчасти враждебное отношеніе къ христіанству; сочувствіе античному язычеству. 127—129.

Значеніе Гемстерюи въ ряду представителей философіи чувства. 129 и сл. Въ лицѣ Г. философія чувства нашла выраженіе не столько своихъ силъ и ресурсовъ, сколько своихъ запроовъ и стремленій. Для ихъ удовлетворительнаго разрѣшенія Г. недоставало должнаго философскаго развитія и привычки къ систематическому мышленію. Возбудивши много важныхъ философскихъ вопросовъ, онъ не сумѣлъ подвергнуть ихъ строгому научному изслѣдованію и связать ихъ въ стройное цѣлое. Онъ неопытный и незрѣлый начинатель новаго направленія въ философіи XVIII вѣка. 129—130. — Его историческая заслуга состояла въ признаніи чувства за основное начало не только нравственное и религиозное, но и познавательное. — Его недостатокъ — въ неувѣренности и неослѣдовательности проведенія этого убѣжденія и въ стараніяхъ искусственно и противорѣчиво согласовать его съ противоположными ему тенденціями чистаго рѣационализма. Отсюда — несоотвѣтствіе его ученія научнымъ требованіямъ его времени и ихъ непопулярность. 130—131. — Недостаточное соотвѣтствіе его ученія тогдашнему стремленію къ индивидуалистической, свободной этикѣ. 131—132. Третье несоотвѣтствіе философіи Г. потребностямъ времени заключалось въ блѣдности и неопредѣленности религиозной стороны его ученія. — Необходимость пополненія и исправленія всѣхъ этихъ недостатковъ въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія философіи чувства. 132.

III. I. Г. Гаманнъ. — Философія чувства и вѣры въ ея полемическихъ отношеніяхъ къ литературѣ и къ рѣационализму XVIII вѣка. Стр. 133 и сл.

Библиографія. 133—140.

Положеніе Гаманна въ ряду представителей философіи чувства. 141 и сл. Въ отличіе отъ эвлектика Гемстерюи, заботившагося о согласованіи философіи чувства съ преобладающимъ филос. направленіемъ своего вѣка, Гаманнъ является олицетвореніемъ полемическихъ и реформаторскихъ силъ философіи чувства. 141—2. — Потребность въ такой полемикѣ и въ то же время въ примиреніи обнаруженныхъ ею противорѣчій въ жизни и въ философскомъ мышленіи. — Необходимость выдающейся, руководящей личности, связующей и объединяющей разнородные элементы сложнаго духовнаго процесса, переживавшагося обществомъ во второй половинѣ XVIII вѣка. За неявнѣмъ богѣ законченнаго представителя этой потребности, современники довольствуются его несовершеннымъ подобіемъ въ лицѣ Гаманна. 142—3.

Характеристика Гаманна какъ человѣка, мыслителя и писателя. Отношеніе къ нему современниковъ. Его вліяніе на немецкую культуру. 143 и сл. Гаманна считали и считаютъ загадочнымъ человѣкомъ; недоразумѣнія и противорѣчія въ сужденіяхъ о немъ объясняются неправильною постановкою вопроса о его значеніи. Тщетныя усилія доставить ему популярность и придать ему остающееся значеніе и для настоящаго времени. Г. представляетъ цѣнность лишь культурно-историческую; его значеніе неразрывно связано съ условіями его времени и окружающей среды. 143—4. — Разнорѣчивыя сужденія о немъ современниковъ. — Уничжительные отзывы его о самомъ себѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ; искренность этихъ отзывовъ. — Его недостатки какъ писателя; крайняя трудность пониманія его сочиненій. 144—7. — Высокая оцѣнка его современниками. — Его считаютъ главнымъ руководителемъ литературнаго движенія періода бурныхъ стремленій. 148. — Похвальные отзывы о немъ Гердера, 148; Якоби, 149; Вандеманна и кн. Голицыной, 150; Лафатера, 150—1; Линднера, Шеффнера, Мюллера, Гинцеля, 151—2; Мерка и Гѣте, 152—4; Жака Поля, 154; Мендельсона, 155—6; Калта, 156—8; Крауса, 158—9; Шеллинга и Гегеля, 159—160; Баадера 160. — Большинство

видитъ въ немъ пророка будущаго времени, провозвѣстника новыхъ, плодотворныхъ идей. 161—2. — Его долговременное вліяніе на духовную жизнь Германіи; исторія изданія его сочиненій. 161—3.

Высокая оцѣнка достоинствъ Г—а лучшими людьми его времени доказываетъ неосновательность пренебрежительнаго отношенія къ нему новѣйшей литературной и философской критики. 163—4. Причина злословія на Г—а — крайняя добросовѣстность въ разоблаченіи имъ своихъ недостатковъ. Самообличенія Г—а; ихъ безпридѣльная искренность и вѣрность. 164—5. — Оправданіе Г—а отъ упрековъ въ безправственности; единодушные отзывы современниковъ о его высокой нравственной чистотѣ. 166—7.

Г. не искалъ популярности, писалъ для немногихъ и шелъ въ разрѣзъ съ преобладающими тенденціями своего вѣка. 167—8. — Сила его вліянія объясняется тѣмъ, что въ немъ, какъ въ человѣкѣ, писателѣ и мыслителѣ, люди новаго направленія находили отвѣтъ на свое стремленіе къ объединенію разнородныхъ убѣжденій, наклонностей и симпатій. — Изумительная воспримчивость Г—а къ разнороднымъ впечатлѣніямъ и убѣжденіямъ; соединеніе въ ней крайностей и противоположностей; отзывчивость на все доброе и прекрасное. — Восхищеніе Якоба и Рейхарта этою способностью. 168—9. — Разнообразіе его мыслей и склонностей объясняется не индифферентизмомъ, а врожденною способностью необыкновенно живо воспринимать и усваивать всевозможныя впечатлѣнія и различные взгляды на вещи. — Сходство съ Гѣте и отличие отъ него: преобладаніе объективнаго, рефлексивнаго элемента въ первомъ и безотчетнаго, стихійнаго порыва въ Гаманнѣ, который можетъ быть названъ потому періодомъ бурныхъ стремленій. — Инстинктивное воспріятіе дѣйствія или впечатлѣнія по личному вдохновенію, безъ преобладающаго участія рефлексіи, безконечно разнообразно и однакоже самобытно и дѣльно — сущность таланта Гаманна и разгадка его обаянія на современниковъ. 169. — Признанія его обь этой способности. 169—170. — Отзывъ Гѣте обь универсальности и дѣльности натуры Г—а. 171. — Естественность увлеченія современниковъ Г—омъ. Оцѣнка многосторонности способностей въ XVII и въ XVIII в.: Лейбницъ, Байль, Вольтеръ, Дидро, Гаманнъ. 171—2. — Г. — воплощеніе многосторонности не-рефлектирующей, инстинктивной, понимаемой въ духѣ періода гениальности и бурныхъ стремленій; онъ олицетворяетъ въ себѣ борьбу различныхъ элементовъ духовнаго развитія, стремленіе къ полнотѣ человѣческихъ силъ и способностей и къ возстановленію ихъ нарушенной гармоніи. 172—3. — Отсутствіе дѣйствительнаго духовнаго единства въ Г—нѣ; замѣна этого единства полнотою воспримательной способности и отзывчивостью на разнообразныя потребности; богатство и оригинальность содержанія его мыслей; ихъ пригодность для всевозможныхъ вкусовъ. 173. — Главная заслуга Г—а воспитательная: не создавши самъ ничего крупнаго, дѣльнаго и законченнаго, онъ вызвалъ къ жизни многое, и еще больше поощрилъ, исправилъ и направилъ. — Это оцѣтка новыхъ истинъ, провозвѣстникъ убѣжденій будущаго, агитаторъ въ пользу новыхъ идеаловъ добра и красоты, обращавшійся къ немногимъ, но вліявшій черезъ нихъ на многихъ. 174—5.

Соотвѣтствіе формъ дѣятельности Г—а его историческому призванію. — Отсутствіе стройнаго, систематическаго ученія; отвращеніе къ систематическому мышленію; принципиальное осужденіе системъ. 175. — Рѣзкая противоположность этого протеста съ склонностью въ концѣ XVIII в. къ построенію системъ во всѣхъ областяхъ знанія. 175—9. — Крайности полемики Г—а противъ систематическаго мышленія и вредное вліяніе этого на его собственное ученіе. — Отсутствіе опредѣленнаго метода изслѣдованія. 179. Пренебрежительное отношеніе къ математическому методу и къ даннымъ естествознанія. 180. Нерасположеніе къ примѣненію математ. метода въ философіи. — Отвращеніе къ филос. діалектикѣ. — Осужденіе дѣленія философскаго мышленія на идеалистическое и реалистическое; оно произвольно, и превращаетъ дѣйствительное бытіе въ отвлеченную формулу разсужденія и реализмъ жизни подмѣняетъ „вербализмомъ и діалогизмомъ“ отвлеченнаго мышленія. 181. — Отвращеніе Г—а къ метафизическому, абстрактному направленію философіи. Реализмъ Г—а: истина не выводъ разсужденія, а жизненный фактъ, непосредственное воспріятіе данныхъ жизни чувствомъ человѣческой личности; не умозаключеніе, а ощущеніе — единственное доказательство бытія чего бы

то ни было; опыт — единственный источник знания. — Гегель о непонимании научного значения абстракции Гаманном. 181—2.

Влияние реализма Г—а на характер и формы его авторства. — Задача писателя не в демонстративном развитии отвлеченного учения, а в обнаружении фактов и в предугадывании их. — Совокупный смысл жизни и большая часть ее проявлений — тайна, которая не может быть исчерпана чисто-логическими формулами: объяснение необъяснимого ведет к еще большему затемнению его. 182. Отсюда у Г—а отвращение к амплификации мысли и стремление к сосредоточению ее в наименьшем количестве слов; сжатость и темнота выражений при глубокомысленности и богатстве содержания. 182—3. — Культурно-историческая потребность в такой „героглифической краткости“; ее магическое действие на современников; успех загадочного стиля Г—а; его достоинства. 183—4.

Значение Гаманна как вдохновителя поры бурных стремлений. 184 и сл. *Реалистический гуманизм Г—а*, противоположный искусственному, тенденциозному, отвлеченному гуманизму просвещения XVIII вѣка. — Недостатки послѣдняго: произвольное построение системъ философи и правилъ поведенія по общепоблажательной, умозрительной созданной программѣ; философскій гуманизм XVIII вѣка выработалъ типъ идеальнаго человѣка по теоретическому рецепту, независимо отъ историческихъ, расовыхъ и мѣстныхъ условий и субъективныхъ различій. 185. — Противодѣйствіе этимъ недостаткамъ со стороны философи чувства. Отвлеченному гуманизму „Просвѣщенія“ XVIII в. она противопоставляетъ гуманизмъ реалистическій, натуралистическій, выведенный изъ опыта изученія свойствъ человѣческой природы и основанный на непринужденномъ развитіи всѣхъ самостоятельныхъ силъ, способностей и особенностей человѣческой личности. 185. — Гаманнъ — одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этой этики и поклонникъ широкой свободы личности и крайняго индивидуализма. 185—6.

Защита правъ индивидуальности учениемъ о личномъ вдохновеніи. Страстная *аполонія гениальности*. Г. начинатель увлеченія гениальностью въ Германіи. 186—8. — Вліяніе этой стороны его ученія на современниковъ: защита гениальности Гердеромъ, Лафатеромъ, Блонштокомъ. 188—9; Гердеръ — главный истолкователь ученія о гениальности. 189—192; мысли Жанъ-Поля о томъ же. 192—3; поддержка ученія о гениальности Лафатеромъ; значеніе его „Физиогномики“. 193; примѣненіе ученія о гениальности къ философи Гаманномъ, Ваадеромъ и Шеллингомъ. 194—6; дальнѣйшее расширеніе области гениальности Циммерманномъ; легкомысленное распространеніе ученія о гениальности поколѣніемъ „бурныхъ стремленій“; опасности этого увлеченія. 196. — Осужденіе этихъ крайностей Меркомъ, Лесюангомъ, Штейномъ, Кантомъ. 196—7.

Польза увлеченія учениемъ о гениальности. Его возбуждающее вліяніе на талантъ Гердера, Якоби, Гете, Шиллера и др. 197—8. — *Поворотъ отъ искусственнаго, уголовнаго и аффектированнаго къ требытному, естественному, наивному.* 198. — *Вліяніе Гаманна на новый взглядъ на значеніе языка:* языкъ — отецъ мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ ее исторія и исторія народа; преимущественная цѣнность народной рѣчи, какъ живаго, непосредственнаго откровенія прошедшаго настоящему; *предпочтеніе Г—омъ народнаго, архаическаго языка искусственному, новому.* — Высокій взглядъ на значеніе поэзи; она „материнскій языкъ человѣческаго рода“. — Народная поэзи — высшее откровеніе мысли и жизни человѣчества. 198; страстная любовь къ ней Г—а, а также и къ диалектамъ, 199. — *Любовь къ родному языку;* борьба съ увлеченіемъ французскимъ языкомъ, 199—200. — Любовь къ древнимъ языкамъ; они не мертвые языки; ихъ преимущественно передъ современною рѣчью. 200. — Любовь Г—а къ отечественному языку; *сила патриотическихъ чувствъ Г—а.* 200—1. — Вліяніе этой стороны его убѣжденій на современниковъ: Гердеръ заимствуетъ у него любовь къ народной поэзи и развиваетъ его мысли о ее значеніи; робость Гердера въ борьбѣ за народную поэзи, ободреніе его Г—омъ. 201—5. — Вліяніе на Гете, Клингера, Мюллера, Ленца. „Нѣмецкія идилліи“ Мюллера; ихъ успехъ. 206—7. — Вліяніе на развитіе патриотической драмы; проекты національнаго театра. 207—8. — Включеніе народной поэзи въ курсъ эстетики ученикомъ Г—а Липднеромъ. 208—9.

Отношение Гаманна къ старинѣ, къ преданію, къ исторіи. Любовь его къ нимъ. Противоположность этихъ симпатій преобладающей тенденціи XVIII в. 209.— Осужденіе Гаманномъ тенденціозныхъ историковъ его времени. 209—210.— Высокое значеніе исторіи по Гаманну: она — лучшая философія. — Важнѣйшая часть исторіи — библейская, единственная всемірная (общечеловѣческая) исторія. 210.— Значеніе исторіи какъ знанія воскрешающаго. 210—211.— Необходимость родственнаго, сочувственнаго (конгеніальнаго) изученія и пониманія прошлаго. 211.— Указанія на важность изученія исторіи и литературы Востока. 211.

Отношеніе Г—а къ классицизму и его вліяніе на правильное пониманіе древности. 212 п сл. *Отношенія науки, искусства и общественнаго мнѣнія къ классицизму въ XVIII вѣкъ.* 212—240. Классицизмъ лишился жизненнаго, воспитательно-образовательнаго значенія уже въ XVII вѣкѣ. 212. Условное и аффектированное уваженіе къ древнимъ въ вѣкѣ Людовика XIV. Тенденціозное преклоненіе передъ классиками при отсутствіи истиннаго пониманія древности; перенесеніе современныхъ понятій и вкусовъ на произведенія античной литературы. 213. Образецъ критическаго и эстетическаго непониманія древности въ эту пору и послѣдующую — отношеніе къ Гомеру: осужденіе его Перро, исправленіе въ современномъ вкусѣ Ламоттомъ. 213—4.— Разрастаніе равнодушія къ древности во Франціи; „споръ между древними и новыми“. 214—7. Почтительное, но фальшивое отношеніе къ классикамъ въ Англіи; Поповъ переводъ Гомера. 216—9. Охлажденіе къ древности подъ вліяніемъ философіи просвѣщенія; пренебреженіе греческимъ языкомъ; непониманіе древности Вольтеромъ и энциклопедистами. 218—9. Малый успѣхъ болѣе зрѣлыхъ опытовъ исторической и художественной критики античныхъ произведеній: д'Обиньякъ, Блакуэль, Вико. 220—3. Незавидное положеніе классицизма въ Германіи до половины XVIII вѣка. Враждебное отношеніе къ нему педггической педагогикѣ. 223—4; вредное вліяніе франц. культуры и Фридриха II. 224—5. Упадокъ классич. школы. Пренебрежительное отношеніе къ классицизму педагоговъ филантропическаго направленія. 225—6. Возрожденіе классич. эрудиціи, 226—7 и болѣе глубокаго пониманія древности. Значеніе Гейне и Вольфа. 227. Начало эстетическаго пониманія древности. Предшествующій упадокъ изученія этой стороны классической культуры; ложно-классическій, академическій отъль. 227—230. Винкельманнъ и Лессингъ восстанавливаютъ эстетическое пониманіе античнаго. Воспитательное значеніе Винкельманна, 230—3, и Лессинга. 233—5. Неподготовленность общества къ усвоенію ихъ взглядовъ на древность. Виландъ — примѣръ легкомысленной, поверхностной любви къ античному міру. 235. Гейнце — предостереженіе чувственнаго искаженія классической эстетики. 235. Нравственная опасность слишкомъ быстроа увлеченія античнымъ: антиклизирующій эпикуреизмъ. 235—6. Эстетическая опасность: отреченіе отъ національнаго элемента и самобытности въ искусствѣ подъ вліяніемъ неумѣреннаго поклоненія классическимъ формуламъ прекраснаго: Гейзе, Гёте. 237—9. Классицизмъ въ живописи (Р. Менгсъ и Карстенсъ) и въ музыкѣ (Глюкъ). 238—240.

Обособленное положеніе Гаманна въ процессъ переворота въ отношеніяхъ къ античному. Г. талантливый самоучка въ области классическихъ знаній. 240. Классицизмъ для него не ученая прихоть, а вասущная духовная потребность. Необходимость изученія классическихъ языковъ; ихъ образовательное значеніе; высокая одѣнка греческаго. 241—2. Предпочтеніе наиболѣе древняго, первобытнаго въ классической литературѣ. Культъ Гомера. Гомеръ (и Шекспиръ) — высшій примѣръ природной даровитости; въ немъ воплощено безыскусственное творчество и наивное бытописаніе героическаго періода жизни человѣчества. Необходимость историческаго пониманія его; сравненіе съ Библіей. 242—3. Сужденія о другихъ греческихъ авторахъ. 243—4. Сосредоточеніе вниманія на первоначальномъ и самобытномъ; примѣненіе этого къ греческимъ трагикамъ. 245. Какъ надо подражать древнимъ. 245—6. Противодѣйствіе Г—а поверхностному классицизму; его борьба съ Клотцомъ. 246—8. Г. требуетъ не рабскаго подражанія древнимъ, а усвоенія духа античной культуры и классическаго искусства; надо не копировать съ антиковъ, а „воскрешать“ древнихъ, любить ихъ, находиться съ ними въ родственномъ общеніи. 249—250. — Любовь Г—а къ античному опровергаетъ неосно-

вательное мнѣніе новой критики о его узкомъ аскетизмѣ и доказываетъ гуманистическій складъ его убѣжденій. 250—1. Въ класс. міръ Г. видѣлъ и цѣнилъ законченный кругъ развитія натуралистическаго идеала чистой человѣчности. Идеаль этотъ Г. влючаетъ въ свое мировоззрѣніе въ качествѣ существенной его части: „homo sum!“ 251. Но рядомъ съ языческими „homo sum.“ Г. ставитъ, какъ столь же необходимую часть правильного пониманія чловѣка, и христіанское „esse homo!“ (сознаніе природной слабости чловѣка) и только въ сочетаніи обохъ элементовъ, натуралистическаго и супранатуральнаго, чловѣческаго и божественнаго, видитъ воплощеніе истиннаго понятія о совершенствѣ чловѣка. Его высшее желаніе — объединить въ чловѣческой личности, а чрезъ нее и въ дѣломъ чловѣчествѣ, „omnia humana et divina omnia“. 252. — Высокое воспитательное значеніе Г—а въ этомъ смыслѣ и признанная современниками важная роль его въ процессѣ развитія гуманистическаго мировоззрѣнія 252—3. — Любовь Г—а въ античному и языческому не мѣшала ему быть проникнутымъ еще большею любовью къ Библии. — Исключительная важность и содержательность Библии въ историческомъ, фило-оофскомъ, научномъ и художественномъ отношеніяхъ. 253—4.

Эстетическія убѣжденія Гаманна. 255 и сл. Разносторонность историческихъ и литературныхъ симпатій Г—а дала ему возможность высказать болѣе зрѣлыя мысли объ эстетикѣ, тѣмъ тѣ, которыя были свойственны его современникамъ. Его эстетика одинаково свободна отъ недостатковъ французской и Готтшелдовской теорій изящнаго, отъ неумѣреннаго пристрастія къ неподвижнымъ формуламъ классицизма и отъ узкоутилитарнаго и тенденціознаго направленія искусства XVIII вѣка. Противодѣйствіе Г—а всѣмъ этимъ направленіямъ художественнаго пониманія и обличеніе ихъ недостатковъ. 255. — Разгромъ искусственной, догматической эстетики „неподвижныхъ правилъ и образцовъ изящнаго вкуса“. Противопоставленіе ей свободнаго художественнаго творчества, субъективнаго вдохновенія. 255—6. — Несостоятельность искусственнаго въ искусствѣ; требованіе служенія только естественному. 256—7. — Этимъ ученіемъ Г. становится во главѣ ученія о геніальности, какъ основы эстетики періода бурныхъ стремленій. 257. — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ протестуетъ противъ крайностей классическаго направленія въ искусствѣ. 257. На мѣсто подражанія художественнымъ образцамъ онъ ставитъ подражаніе одной природѣ, не исключающее свободы личнаго творчества. 258—9. Наоборотъ, въ этомъ-то послѣднемъ и заключается жизненный нервъ искусства; только само-бытное (геніальное) творчество создаётъ прекрасное. Оно не должно быть стѣсняемо никакими тенденціозными, утилитарными либо назидательными соображеніями: искусство живетъ въ постороннимъ внушеніяхъ, а свободнымъ, самостоятельнымъ вдохновеніемъ. 259. — Призаніе Г—омъ за Библией высокаго эстетическаго значенія не даетъ современной критикѣ права приписывать ему желаніе превратить всю поэзію въ „узко-религіозную“ и обвинять его въ аскетическомъ взглядѣ на задачи искусства. Въ поэзіи онъ видитъ проявленіе высшихъ образцовъ общественнаго сознанія. Сопоставляя античное искусство съ библейской поэзіей, Г. не суживалъ, а расширялъ предѣлы художественнаго пониманія. 260—1. — Уважая древность, Г. умѣлъ чтить и заслуги новаго времени. Любовь его къ родному и народному. Противопоставленіе горячаго патриотизма бездушному космополитизму своего времени. 261. — Любовь къ старо-нѣмецкой рѣчи и поэзіи. 262. Старанія воздѣйствовать на Фридриха II въ пользу нѣмецкаго языка и словесности. Смыслость патристическихъ усилій Г—а. 263—6. — Ихъ вліяніе на современниковъ. 266—7.

Вліяніе его эстетики. Призаніе и развитіе эстетическихъ идей Г—а — Мовиллономъ и Ундеромъ, Лафатеромъ, Шлоссеромъ, Ленцомъ, Клингеромъ, Мюллеромъ, Бюргеромъ, (о народной поэзіи) 269—271; гёттингенскимъ литературнымъ кружкомъ, Клаудіусомъ, Фосоомъ, 272; Гёте, 272—4; Мезеромъ, 274—5. — Зрѣлость и содержательность эстетическихъ воззрѣній Г—а объясняется ихъ тѣсною связью съ общимъ складомъ его философскихъ убѣжденій. — Шириную художественнаго кругозора Г. превосходитъ большинство своихъ современниковъ и ближайшихъ послѣдователей; универсальность его художественнаго вкуса. 276—7. — Гёте въ своемъ творствѣ до извѣстной степени осуществилъ эстетическій идеалъ Г—а; но Гёте довольствовался смѣною различныхъ ощущеній въ жизни и воспроизведеніемъ ея въ искусствѣ; Гаманнъ же стремился къ орга-

ническому примирению и объединению противоположностей в человеке. Гёте думал устранить разлад человека с самим собою и с окружающей средой путем пассивного слияния его с природою; Гаманн же — посредством активного восприятия, усвоения и самостоятельной переработки дѣла человеческой личностью. Оттого результаты философии Гёте — натуралистический пантеизм, а философии Гаманна — спиритуалистический гуманизм. — Отзывы Гёте о своем и Гаманновом мировоззрѣнии. 277—9. — Гаманн не далъ значаго философскаго обоснованія своему идеалу всеобъемлющаго и объединяющаго значенія человеческой индивидуальности в мировомъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе эта сторона его убѣжденій существенно повліяла на развитіе нѣмецкой эстетики и критики. — Вліяніе его на Гёте; на Якоби; дуализмъ Якоби не въ состояніи выѣстать въ себѣ индивидуалистическаго монизма Гаманна. 279. — Вліяніе на Гердера: Гердеръ заимствовалъ отъ Г—а ширину критическаго и эстетическаго поппманія и разнообразіе симпатій въ области искусства. 280—1. — Вліяніе на Фосса, Бюргера, на Штольберга и другихъ. 281—6.

Вліяніе Гаманна на нравственную сторону періода бурныхъ стремленій. Его отношеніе къ развитію этическаго индивидуализма, къ ученію о свободѣ чувствъ и страстей. 286 и сл. Руссо, Дидро и Стёрнь — предшественники Гаманна въ этомъ отношеніи. 286. — Апологія страстей Гаманномъ: чувства и страсти — главные дѣятели природы въ человекѣ; въ страстяхъ данъ и весь замыселъ человеческой дѣятельности, и все его выполнение. Мысль не въ состояніи извѣститься и не должна извѣститься отъ вліянія страстей. Ихъ необходимость и польза; вредъ пренебреженія ими и урѣзванія ихъ. Единственная практическая услуга философіи состоитъ въ дѣлообразной регуляціи страстей. 287. — Опасная сторона страстей ясна Г—у; но съ его точки зрѣнія контроль надъ ними почти невозможенъ и даже вреденъ. — Единственный добровачественный регуляторъ страстей — религія. Только христіанинъ (по Г—у) можетъ быть названъ совершеннымъ человекомъ. 287—8. — Неприемлемость убѣжденія Г—а о необходимости религіозной регуляціи страстей для большинства его современниковъ. Успѣхъ, наоборотъ, натуралистической стороны его апологіи страстей. 288—9. — Вліяніе этой послѣдней на эстетическія убѣжденія Г—а. Всемогущая власть чувствъ и страстей въ области искусства и надъ рѣчью. Вся эстетика сводится на индивидуальное наблюденіе проявленія страстей въ жизни. Непосредственность чувства — жизненный нервъ искусства; страсть — единственный источникъ художественнаго творчества. 289—290. — Проверка вышеизложенныхъ взглядовъ на Шекопирѣ. Кульг его Г—омъ. Вліяніе Г—а на пониманіе Шекспира; оно важнѣе Лесовича. 290—1. Развитіе любви въ Шекспирѣ въ духѣ Г—а въ Гердерѣ, Гёте и Герстенбергѣ. 291—2. Шекспирированія въ кругу литераторовъ періода бурныхъ стремленій. Гёте, Ленцъ, Клянгеръ. 293—6.

Перенесеніе ученія о неограниченной свободѣ чувствъ и страстей изъ искусства въ жизнь. Этотъ психологическій фактъ оставляетъ основу общаго настроенія періода бурныхъ стремленій. — Важное значеніе этого момента нравственнаго развитія западноевропейскаго общества; возрастающее вниманіе къ нему исторической критикѣ; недостаточность ограниченнаго значенія періода бурныхъ стремленій однимъ его литературнымъ вліяніемъ; необходимость всесторонняго освѣщенія его генезиса и развитія съ культурно-исторической точки зрѣнія. — Значеніе такого изслѣдованія для исторіи философіи чувства: оно разоблачаетъ условія ея возникновенія и характеризуетъ среду, ее породившую и ту, на которую эта философія оказывала вліяніе. 296—7.

Исторія перемѣнъ во взглядахъ на нравственную свободу личности и на значеніе чувствъ и страстей, въ связи съ исторіей развитія философіи чувства. 297 и сл. Аскетическое отношеніе къ чувству въ пѣтизмъ; пессимистическій взглядъ на жизнь и на природу; чрезмѣрная нравственная строгость; скорбь жизни; унылое настроеніе пѣтистовъ; жажда смерти; гоненія на удовольствія и забавы; 297—304. — Фана тическія и чувственныя искаженія пѣтизма. 304. — Безтактная защита радостей жизни лютеранскими ортодоксами. 305. — Постепенное смягченіе отношеній протестантскаго богословія къ чувствамъ и страстямъ: Ла-Пласетъ, Будей, Пфаффъ, Вальхъ, Баумгартенъ. 304—9. — Противодѣйствіе философской этики Вольфа и его учениковъ бого-

словескому учению об испорченности человеческой природы; борьба вольтианцев съ пэтистами; незначительное содѣйствіе освобожденію чувства со стороны вольтианской философіи. 308—311. — *Вымирание аскетизма въ католичество; ясенизмъ.* 311—2. — *Иезуиты* — защитники свѣтской, богѣ оводной нравственности; культурно-историческое значеніе ихъ этни; потребность въ казуистикѣ; ея успѣхъ. 312—5.

Отношеніе сенсуалистической философіи къ эманципации чувства. — Кондиллякъ залагаетъ ея основы ученіемъ объ относительности блага и о томъ, что удовольствіе и огорченіе — единственные двигатели всего развитія человечества. Нравственный элементъ — только „аксессуаръ страстей“. 315—7. — Потребность франц. общества въ натуралистическомъ взглядѣ на человѣка и на задачи жизни. Сочувствіе этому взгляду Монтескье, Вольтера и др. 317—9. — Восторженная натуралистическая защита страстей и неограниченной нравственной свободы Дидро. 319—321. — Болѣе умѣренное отношеніе къ тѣмъ же вопросамъ Даламбера, Туссэна. 321—3. — Игривый эпикуреизмъ С. Ламбера. 323—5. — Защита страстей съ утилитарной точки зрѣнія Гельвеціемъ. 325—3. — Ихъ регуляція законодательствомъ и воспитаніемъ; гибель индивидуализма и гениальности въ системѣ Гельвеція. Его крайняя противоположность Гаманну; сближеніе съ нѣмецкимъ просвѣщеніемъ. 328—332. — *Оправданіе крайней свободы чувства и страстей и полное индивидуализма съ материалистической точки зрѣнія:* Ламеттри. 332—6. — Систематическое оправданіе чувственности съ точки зрѣнія фаталистическаго материализма Гольбахомъ. Крайнее развитіе ученія объ искусственной выравнѣвѣ человеческой личности. Полная гибель индивидуализма въ этикѣ Гольбаха. Противоположность этой послѣдней этикѣ философіи чувства. 338—347. — Несочувствіе общества XVIII в. крайностямъ материализма. Враждебное отношеніе къ Гольбаху. 347—350. — Прниженіе достоинства человѣка материалистическими ученіями Ламеттри, Гельвеція и Гольбаха; пессимистическій взглядъ на челоѣческую природу у франц. философовъ. 350—4. — Необходимость реакціи противъ этого взгляда; Руссо удовлетворяетъ эту потребность. 354.

Возстановленіе достоинства челоѣка въ ученіи Руссо. 354—5. — Его оптимистическій взглядъ на природу. — Требованіе замѣны искусственнаго естественнымъ. 356. — Протестъ противъ ученой философіи; вражда съ диалектикою и резонерствомъ. — Слабость разума; опентидизмъ — неизбѣжный конечный выводъ разсудочной метафизики. 356—8. — *Возвеличеніе значенія чувства*, а съ нимъ вмѣстѣ и достоинства челоѣка. Чувство, а не разсужденіе, является носителемъ положительныхъ началъ въ челоѣческой природѣ. — Руссо указываетъ философіи новый путь, противоположный одностороннему раціонализму XVIII в., и вызываетъ къ жизни, съ одной стороны, философію чувства, а съ другой — Канта. 358—9. — Соответствіе реформы Руссо нравственнымъ потребностямъ его времени. Поворотъ симпатій франц. общества въ сторону чувства. Громадный успѣхъ Руссо. 359—362. — „Сердечная этика“ Руссо. Чувство — основное и руководящее начало нравственной жизни. 362—3. — Широкая постановка нравственнаго индивидуализма у Руссо на почвѣ ученія о чистой челоѣчности. Психологическое узаконеніе свободнаго развитія личности. Субъективно-гуманистическаго педагогика Руссо. 363—7. — Апологія страстей; естественныя и искусственно-созданныя (культурно) страсти. Задача этики состоитъ въ распознаваніи естественныхъ отношеній челоѣка къ себѣ, къ другимъ и къ природѣ и въ упорядоченіи страстей сообразно съ этими отношеніями. 368. — Опасности „чувствительной души“. 369. — Ученіе о врожденныхъ преимуществахъ „прекрасныхъ душъ“. 370. — Ограниченія сентиментализма и индивидуализма у Руссо. Шаткая постановка вопроса о нравственномъ долгѣ. Слабоотъ мыслей Руссо о регуляціи страстей. Непослѣдовательное обращеніе къ помощи религіи. 369—375. — Опасная агитація Руссо въ пользу страстей; проповѣдь сентиментальности; идеализація любви. 375—381.

Противодѣйствіе эманципации чувства и развитію этического индивидуализма. 382 и сл. *Нравственные еженедѣльные изданія.* Ихъ борьба съ распущенностью общественнаго быта и литературы. 382—3. Назидательное назначеніе литературы по Стилю и Аддисону. 384—5. Умѣренное сочувствіе этикъ писателей развитію чувствъ

и страстей. 385. Успѣхъ нравственныхъ еженедѣльныхъ изданій въ Англіи, 386, и Германіи, 387—8. Назидательныя задачи нѣмецкихъ морализирующихъ періодическихъ изданій; ихъ педагогичный, оградительный бюргерскій характеръ. 389—395. — Новая вліянія въ этой литературѣ: зародыши жизнерадостной, натуралистической этики. 395—7.

Развитіе назидательной литературы въ XVIII вѣкѣ и ея дисциплинирующее отношеніе къ чувству. 397 и сл. *Морализирующее направление въ англійскомъ театръ.* 397—400; во французскомъ: Детушъ; Нивель де Ла Шоссе. 400—1; въ нѣмецкомъ: Готтшедъ и его послѣдователи. — Значеніе бюргерства и прославленіе его поучающею литературою. 401—6. — Успѣхъ буржуазной драмы и ея вліяніе на эманципацию чувства. — Поворотъ къ чувствительности; Ла Шоссе — одинъ изъ „отцовъ“ сентиментальности. Успѣхъ „слезливой“ драмы. 407—111. — Вліяніе Дидро на драмат. и сценич. искусство. Его сентиментальный натурализмъ; сочетаніе чувствительности съ назидательностью; призывъ къ естественному въ искусствѣ и въ жизни. Воспитательное значеніе эстетическихъ идей Дидро. 411—9. — Отношеніе къ нимъ Гаманна: обличеніе ихъ неестественной тенденціозности; бессиліе теоретическаго призыва Дидро къ правдивости и энергіи въ искусствѣ. 419—423.

Тенденціозное и морализирующее направленіе въ романъ XVIII вѣка. — Побѣда буржуазно-реалистическаго направленія. 423—4. — Призывъ Превю къ сосредоточенію вниманія не на запросахъ ума, а на настроеніяхъ сердца. — Мариво о философскихъ преимуществахъ сердца надъ головою. — Заключеніе о сентиментально-назидательныхъ дѣлахъ литературы. 425. — Превю — представитель умѣренной морализаціи въ романѣ. 425—8. — Усиленіе тенденціозно-поучительнаго направленія у Мариво. 428—9. — Завершеніе сентиментально-морализирующаго направленія романа въ Ричардсонѣ. — *Ричардсонъ* — одинъ изъ главныхъ нравственныхъ воспитателей XVIII вѣка. — Причина его колоссальнаго успѣха: его изумительная серіозность и безукоризненная нравственная чистота. 429—431. — Обаятельное дѣйствіе этихъ качествъ на читателей. Отзывы о немъ современниковъ. 432—5. — Ричардсонъ сосредоточилъ все вниманіе на изученіи міра чувствъ и на воспитаніи нравственной стороны человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ значительной степени содѣйствовалъ эманципации чувства отъ стѣсненій ихъ прежнимъ строемъ общественной жизни. 435—7. — Оздоровляющее вліяніе произведеній Ричардсона на современниковъ; увлеченіе имъ. 437—441. — Сдержанное отношеніе къ нему Гаманна; Ричардсонъ претитъ ему своею тенденціозностью. 441—2. — Подражатели Ричардсона. 442—3.

Геллертъ; его громадная заслуга въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія нѣмецкаго общества; изумительная ширина его вліянія; безпримѣрная популярность. 443—7. — Реальныя основы этого успѣха: онъ объясняется не однимъ морализирующимъ направленіемъ произведеній Геллерта, но и проведеніемъ имъ въ жизнь нѣмецкаго народа пазрѣвшей реформы нравственныхъ новатій, не перехода границъ умѣренности п не нарушая традиционныхъ, національныхъ симпатій. 448—9. — Геллертъ — благоразумный и осторожный посредникъ между новымъ просвѣщеніемъ и традиціоною нравственностью прежняго времени. 449. Его заслуги какъ охранителя національнаго чувства и религіозности. 450—1. — Расширеніе религіознаго кругозора въ духѣ пѣтвизма, но сообразно съ требованіями вѣка; робкое отношеніе къ литературѣ просвѣщенія; приспособленіе ея идей къ уровню умѣреннаго, мало-развитаго большинства. 451—6. — Та же тактика въ этикѣ Геллерта; умѣренный культъ чувства и чувствительности; ограниченіе „бунта отраслей“; дозволеніе умѣреннаго жизнерадостнаго настроенія. 456—461.

Реакція противъ нравственной умѣренности и благоразумія. Соужденіе Геллерта „молодой Германіей“. 461—2. — Охлажденіе къ Ричардсону. 462—3. — Возрастающее франц. вліяніе въ Германіи сильно содѣйствуетъ развитію нравственной оководы. Отношенія нѣмцевъ къ важнѣйшимъ франц. литераторамъ; неуспѣхъ „крайнихъ“ преобладающее вліяніе Дидро и Руссо. 464—471.

Отношеніе нѣмецкаго „просвѣщенія“ къ развитію этического индивидуализма. Сочувствіе гармоническому развитію всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей; оно не переходитъ въ дѣло и остается безплоднымъ. Подавляющее преобладаніе отвлечен-